

Мамытов Т.Б.

НАЦИЯ – ВТОРАЯ ПРОИЗВОДНАЯ ОТ ЭТНОСА

Т.В. Mamytov

THE NATION IS THE SECOND DERIVATIVE OF THE ETHNIC GROUP

УДК: 395

В данной статье говорится о понятии, имеющее множество толкований и вызывающее жаростные споры и о том, что в отношениях между этносом и народом существует реверсивность, то есть обратимость: из этносов создается народ, который вновь распадается на этносы.

Ключевые слова: нация, этнос, элемент, государство, народ, политические структуры, институт, гражданское общество.

This article refers to the concept with many interpretations and causes fierce debate about the fact that the relationship between ethnic group and nation, there is reversibility, that is, reversibility: from ethnic groups created the people, which again breaks down into ethnic groups.

Key words: nation, ethnic group, element, state, nation, political structures, Institute of civil society.

Еще одно понятие, имеющее множество толкований и вызывающее жаростные споры, это «нация».

Народ как первая производная этноса создает государство, религию и цивилизацию. В том случае, если народ создает государство, то имеем дело с особым типом общества, в котором четко прослеживаются политические структуры, институты, формы и уложения. Это свойство всех государств.

Европейские государства Нового времени, создают исторически особую модель политического устройства, основанную на началах и принципах, качественно отличающихся от остальных государств. Этот радикально новый тип государств и обществ, принято называть «национальными государствами» или «Государствами-нациями». Общество, выступающее как содержание «национального государства», и есть нация.

Нация – понятие строго политическое, неразрывно связанное с государством, причем с конкретным государством – современным европейским буржуазным государством Нового времени.

Нация трактуется как вторая производная от этноса. Нация есть общество качественно еще более сложное и дифференцированное, нежели народ.

Как этнос был матрицей для народа, так народ является матрицей для нации. Но и здесь налицо диалектический момент. Народ, проявляя себя в истории, замещает собой этнос, вынося его в сферу подразумевания.

Точно такой диалектический момент есть и в нации. Нация, проявляя себя в политической истории Нового времени, замещает собой народ, вынося его в сферу подразумевания.

На поверхностном уровне, когда есть народ, то нет этноса, когда есть нация, то нет народа. Но если заглянуть глубже, то под народом мы обнаружим

этнос, а под нацией – народ, как первую производную от этноса.

Если в народе существовали две модели идентичности – этническая (количественно преобладающая, массовая) и индивидуальная (минимальная, элитарная), то в нации нормативом становится только одна – индивидуальная идентичность, которая распространяется на всех членов нации. В народе индивидуумами были «герои», аристократия. В нации индивидуумами являются «торговцы, то есть третье сословие, а нормативно вообще все.^[1,с.21]

Индивидуальная идентификация лежит в основе нации и выражается в конкретном правовом признаке – гражданстве. Элементом нации является гражданин данного государства. Эта форма идентичности является правовой, политической, строго фиксированной. Она вытесняет и отменяет другие формы идентичности – с этносом и с народом. С правовой точки зрения, так оно и есть, ни этнос, ни народ, ни сословность, ни профессия, ни местожительство в классических нациях не являются юридическими категориями и нигде в официальной документации или в правовых уложениях не фигурируют. Но на более глубоком уровне факторы этничности и принадлежности к народу как историческому целому, включая его стратификационную структуру, сохраняются и при определенных обстоятельствах дают о себе знать.

В нации доминирует городское политизированное население.

Нация состоит из граждан, совокупность которых является населением.

В отношениях между этносом и народом существует реверсивность, то есть обратимость: из этносов создается народ, который вновь распадается на этносы.

Нация, в отличие от этноса не является органическим, а в отличие от народа – историческим сообществом, то есть зависящим от реализации проекта, выдвигаемого «героической» элитой. Нация задумана как чисто рациональное и договорное явление, а в самой идее договора заложена возможность его расторжения и заключения нового. Поэтому, нация распавшись, порождает новые нации, на основании новых договоров с другой группой участников.

Еще больше проблем возникает с понятием «национальности». Термин «национальность» получил особую смысловую нагрузку только в русскоязычном контексте, тогда как на европейских языках смысл этого термина однозначен и не вызывает никаких двусмысленностей: «национальность» означает принадлежность к какому-то национально-

му государству, то есть «гражданство». Это категория правовая и фиксируемая в документах.

В советской истории в связи с рядом обстоятельств, понятие «национальность» приобрело совершенно иное значение и стало означать «принадлежность к этносу». Таким образом, произошла существенная путаница между двумя социологическими концептами – между этносом и нацией, которая является политической и искусственной конструкцией.

Единственным значением, которое следует приписывать слову «национальность», является общепринятое европейское его употребление, подразумевающее только и строго «гражданство» и ничего кроме «гражданства».

«Национальность» в нашем случае – это гражданство Кыргызской Республики. А «татарин», «уйгур», «чеченец» или «кореец» – это этничность, этническая принадлежность. Точно так же любой гражданин Франции, как этнический француз, так и натурализованный африканец или араб, имеют одну и ту же «национальность»: все «они французы по национальности». Этнически, религиозно, фенотипически, визуально они различаются, но это различие не юридическое и не правовое, оно не связано с нацией.

Гражданское общество – это еще одна производная от нации. Оно основано с одной стороны на том же принципе, на котором строятся нации – на принципе индивидуального гражданства, но в отличие от нации, оно отрицает фиксированность структуры агломерации, то есть историческую оправданность государства как политического целого.

В отрыве от нации, гражданское общество – это социологическая абстракция, представляющая собой проект существования граждан без национального государства, то есть содержание без формы. Это общество мыслится как основанное исключительно на индивидуальной идентичности, по ту сторону всех форм идентичности коллективной – этнической, народной, сословной, религиозной и даже национальной.

Теория гражданского общества была создана философом Иммануилом Кантом (1724–1804) в духе пацифизма^[2, с. 93] и антропологического оптимизма. Кант считал, что люди однажды поймут, что воевать между собой, защищая государства-нации, не разумно, и что гораздо выгоднее и прибыльнее сотрудничать. Тогда-то и реализуется гражданское общество, основанное на разуме и морали. Идеи Канта легли в основу магистрального направления либеральной и буржуазно-демократической политико-социальной традиции.

Гражданское общество, таким образом, мыслится изначально выходящим за пределы национальных государств и противопоставляется им как формам организации, подлежащим постепенному упразднению. Форма агломеративной национальной идентичности должна уступить место идентичности исключительно индивидуальной. И только тогда

получим общество индивидуумов, где никаких форм коллективной идентичности не останется.

Гражданское общество как концепт есть «третья производная» от этноса. В определенном смысле гражданское общество есть полная антитеза этноса, так как все соотношения, структурные симметрии, ценности и формы идентификации между ними перевернуты. Гражданское общество – это такая социологическая модель, которая предполагает отсутствие этноса даже в глубинном, бессознательном измерении.

Этнос не исчезает до конца в народе и обнаруживается снова при распаде тех форм, которые исторически создает народ. Распад наций показывает, что и в национальных государствах этнический фактор и фактор народа до конца не упраздняются и снова могут стать важнейшей социальной формой идентификации. Таким образом, реверсивность, то есть возвратность наблюдается на практике во всех феноменологически наблюдаемых формах.

Поэтому можно осторожно сказать, что скорее всего гражданское общество, когда оно будет построено, также имеет перспективу перехода назад – к менее сложным этносоциологическим моделям – таким как нации, народы и этносы.

Если поместить концепт гражданского общества в конкретный исторический контекст, мы увидим, что это общество не может не быть глобальным, сверхнациональным, постгосударственным. То есть гражданское общество предполагает то, что в конце концов оно обязательно станет глобальным. Можно рассмотреть глобальное общество как высшую форму общества гражданского, как его оптимальное и конкретное воплощение.

Глобальное общество в своем становлении имеет следующие этапы.

1-этап. Начинается оно с укрепления индивидуальной идентичности в рамках национальных государств. Это называется «демократизацией» и «социальной модернизацией». Коллективная идентификация с нацией и, соответственно, с государством постепенно уступает место строго индивидуальной идентификации. Гражданское общество набирает силы. Демократические национальные государства становятся всё более демократическими и все менее национальными. Достигшие высокого уровня демократизации и модернизации государства-нации сливаются в одно наднациональное образование, которое превращается в основу постнационального демократического сверх-государства. Что произошло в Европе – Евросоюз.

2-этап. Этот этап длится до тех пор, пока, наконец, все общества и государства не достигнут высокого уровня демократизации и не объединятся в единое мировое государство с единым мировым правительством. Граждане этого планетарного государства — Космополиса — будут только гражданами мира, и сам статус гражданина будет полностью приравнен к статусу человека. Эта идеология

получила название «права человека». Она подразумевает именно концепт глобального гражданства или глобального общества.

Следует обратить внимание на главный момент концепта глобального общества. Это общество отрицает любую форму коллективной идентичности – этническую, историческую, цивилизационную, культурную, сословную, национальную и т.д.

Реальное гражданское общество может быть только глобальным.

Глобальное общество не представляет собой отдельной социологической парадигмы, его можно рассматривать, скорее, как совершенную форму гражданского общества. Если мы возьмем глобальное общество как парадигму, то гражданское общество будет переходным состоянием от нации к глобальному обществу. В этом случае все качественные признаки гражданского общества автоматически переносятся на глобальное общество.

Все модели рассмотренных обществ – от этноса до глобального общества - представляют собой версии «человеческого общества»^[3,с.345]. Этноты, народы и нации, а также определенные формы «гражданского общества» мы встречаем эмпири-

чески в окружающем нас мире. А глобальное общество можно себе представить, продлив в будущее определенные тенденции, которые несомненно существуют уже сегодня. Все эти типы обществ предполагают человека как их участника.

Последней производной этноса возможно будет постчеловеческое общество. Если в рамках человеческого максимальной антитезой этноса является глобальное общество, то за его пределами – в проекции постчеловечества можно гипотетически предположить условную «четвертую производную» от этноса, представляющую собой ассоциацию киборгов, мутантов, клонов и машин, являющихся героями современных фильмов.

Это логический предел, в который человек упирается при анализе гипотетического будущего человечества.

Литература:

1. Зомбарт В. Торгаши и герои. Том 2. СПб.: 2005. с.21.
2. Кант И. К вечному миру. Том 6. М.: 1966. с.93.
3. Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: 2010. с.345.

Рецензент: д.полит.н., профессор Артыкбаев М.Т.